

Трелог

Блажен человек, которого сила
в Тебе, и у которого в сердце стези
направлены к Тебе.

Псалом 83:6

Ноябрь 1964

Морской бриз ворошил мои волосы и охлаждал тело. Волны, накатываясь, омывали ноги — пятки, а потом икры. Под плавками хрустели ракушки. Воздух был солоноватым на вкус. Я, обгорев без рубашки, лежал на спине, упираясь локтями в песок. В одной руке держал карандаш, в другой — листок бумаги. Бумага была плотной. Почти картон. Я оторвал ее от задней обложки книги. Янтарное солнце опускалось за горизонт где-то там, далеко впереди, между пальцами ноги, постепенно превращаясь из пламенно-оранжевого в кроваво-красное и медленно соскальзывая вниз, за мою пятку, в воды Мексиканского залива. С помощью карандаша я старался ухватить этот образ и перенести его на бумагу.

Внезапно послышался звук чьих-то шагов. Это ко мне подошел Бобби и, скрестив ноги, сел рядом. Шмыгнув, он вытер нос, размазывая по заплакан-

ному лицу сопли. В руках у него был пакет молока и упаковка шоколадного печенья «Орео» — наше любимое лакомство. Он осторожно поставил и то и другое на песок между нами.

Мне было девять. Бобби — на два года старше меня. Мы слышали, как в доме за нашими спинами плачет мама.

Вскоре солнце скрылось в водах залива, подул прохладный ветер.

У Бобби дрожала губа.

— Папа... Он... он ушел.

— Куда?

Бобби запустил руку в пачку, выудил оттуда печенье, сунул его в рот и покачал головой.

Из кухни донесся звон разбившейся тарелки.

— Когда он вернется?

Еще одно печенье. Еще одна разбитая тарелка. Бобби вновь мотнул головой.

— А что делает мама?

Бобби прищурил глаз и глянул через плечо.

— Кажется, что-то с тарелками.

Когда они поженились, отец подарил маме фарфоровый сервиз. На обратной стороне донышка каждого предмета стояло клеймо «Сделано в Баварии». Мама поставила сервиз за стекло, на видное место в буфете. И заперла на ключ. Нам было запрещено даже прикасаться к нему. Строжайше запрещено! И вот теперь она вдребезги разбивала его о кухонную раковину, тарелка за тарелкой!

— Папа что-нибудь сказал?

Выудив из пачки несколько печений, Бобби принялся швырять их так, будто пускал «блинчики». Они летели, словно крошечные летающие тарелки-фрисби. Еще раз покачав головой, он открутил

крышечку у бутылки с молоком и поднес ее ко рту. Еще две тарелки со звоном разбились о раковину.

Бобби трясло. Голос его срывался.

— Он собрал вещи. Почти все.

Волны накатывались на берег, щекоча нам ноги.

— А та... другая женщина?

Брат передал мне молоко. Говорил он с трудом, и в голосе его чувствовалась боль.

— Брат, я не...

Я поднес бутылку к губам, и молоко потекло у меня по подбородку. Бобби швырнул еще одно печенье-фрисби. Я запустил руку в пакет, одно печенье сунул в рот, а остальные по его примеру швырнул над водой. Траектории полета крошечных шоколадных дисков пересекались, напоминая полет стайки колибри.

У нас за спиной рыдала мама. О раковину разбилась еще одна тарелка.

Затем еще одна. И еще. После этого доносившийся из кухни звон слегка изменился. По всей видимости, мать покончила с тарелками и перешла к чашкам и блюдам. Доносившаяся из кухни какофония жутковатым эхом отзывалась в наших все еще по-детски хрупких душах, и они тоже покрывались паутиной трещин. Я оглянулся через плечо, но тотчас поспешил отвести взгляд.

В уголках глаз Бобби стояли слезы, нижняя губа подрагивала. Затем мама закричала, — пронзительный, надрывный крик, как будто у нее перехватило дыхание. У Бобби слезы полились ручьем.

Я сунул карандаш за ухо и поднял свой набросок заката на уровень глаз. Ветер тотчас принялся теревить его, словно крошечного бумажного змея. Зажатый между моими пальцами рисунок дрожал,

стараясь вырваться из моих рук. Я решил отпустить его, и лист, словно бабочка, запорхал над берегом и опустился в набегавшие волны. Я оглянулся.

— Пойдем проверим, как она там.

Бобби вытер локтем губы и нос, размазав слезы и сопли по лицу и руке. Прядь волос упала ему на глаза. Как и мои, его волосы выгорели и посветлели от яркого солнца и соленой воды. Я встал и протянул ему руку. Он ухватился за нее и поднялся.

Солнце почти исчезло в водах залива, и на дом опустились длинные тени — там, разбитый на миллионы осколков, теперь лежал наш прежний мир.

Бобби с тоской посмотрел на дорогу, по которой отец уехал от нас. Голубоватый дымок автомобильного выхлопа — все, что осталось от него.

— Он говорил... — Бобби судорожно сглотнул и попытался подавить рвущееся из горла рыдание, — всякие плохие слова.

Я обнял Бобби за плечи. Рыдание все же вырвалось из его горла. Мы стояли на берегу в полном одиночестве. Оставшиеся без отца. Опустошенные и злые.

Я сжал кулак и раздавил зажатое в нем печенье. Стер его в порошок. Крошки просыпались между пальцами, и мою грудь пронзила нестерпимая боль.

Боль, которая утихнет лишь через пятьдесят три года.



Глава 1

Настоящее время

Свидетели утверждают, что телефонный разговор состоялся около семи часов вечера и шел на повышенных тонах. Вернее, сидевший в придорожной закуской мужчина говорил спокойно и негромко, а вот женщина на другом конце линии, наоборот, истошно кричала в трубку, из которой также доносился звон бьющейся посуды.

Семеро из девяти присутствовавших на тот момент в закусочной, включая официантку, утверждают, что Джейк Гибсон предпринял несколько попыток урезонить свою собеседницу, но она всякий раз резко обрывала его. Он терпеливо выслушивал ее, кивал, поправлял замусоленную бейсболку и пытался хоть изредка вставить слово.

— Элли... Детка, я знаю, но... Если ты позволишь мне... Извини, но... Я сорок два часа подряд провел за рулем... Я...

Он потер сонные глаза.

— Я валюсь с ног от усталости. — В течение пары минут он прикрывал телефон рукой, пытаясь приглушить вылетающие из него нечленораздельные вопли. — Я понимаю, как это для тебя важно и ка-

кой труд ты в это вложила. — Очередная пауза. И очередные кивки.

Он снова потер глаза.

— Приглашения... украшения... освещение.

— Да, я помню, сколько ты заплатила музыкантам. Но... — Он снял шляпу и почесал лысину. — У Флагстаффа меня отправили другим маршрутом, и это меня вконец вымотало.

Он закрыл глаза.

— Детка, я не могу приехать сегодня вечером. Но обещаю, утром я приготовлю тебе вкусную яичницу...

Похоже, его слова не произвели на его собеседницу ни малейшего впечатления.

Элисон Гибсон не слушала. Она истошно вопила. Во все горло. Изо всех сил, на которые были способны ее легкие. Понимая, что их брак дал трещину, они решили «сделать паузу». Продолжительностью в шесть месяцев. Он уехал от нее и жил в кабине своего тягача.

Колесил по стране. Впрочем, разлука пошла им только на пользу. Элли смягчилась. Сбросила вес. Занялась фитнесом. Купила новое нижнее белье.

Сегодня, по идее, они должны были отпраздновать и день его рождения, и день его возвращения домой. Ну, и, конечно, начало новой жизни.

Закусочная была крошечная, и Джейку было неловко. Ожидая, когда она, наконец, успокоится и умолкнет, он держал телефон как можно дальше от уха. Элли была его первой женой. Десять лет брака. Он же был ее вторым мужем. Ее соседи пытались предостеречь его. Намекали полушепотом. «Первый муж ушел от нее не просто так», неизменно многозначительно подчеркивая голосом это «не просто так».

Джейку не хватило мужества с ней расстаться.

Извергнув из себя последнюю порцию яда, она с грохотом бросила трубку. Телефон умолк, но Джейк еще какое-то время тревожно сидел, ожидая, что она в любой момент вновь обрушит на него свой праведный гнев. Но нет, трубка молчала. Затем появилась официантка с кофейником и жадным взглядом посмотрела на клиента. Ведь он вовсе не урод. Не красавец, конечно. Но она встречала и похуже. Гораздо хуже. Его добродушное лицо располагало к себе, а по виду его обуви и натруженным рукам нетрудно было догадаться, что он не чурается тяжелой работы. Еще мгновение — и она займет место Элли.

— Еще кофе, детка? — спросила она с певучим южным акцентом.

Прежде чем Джейк успел ответить, из телефона раздался предательский писк — свидетельство того, что Элли уже давно бросила трубку. Отчего ему стало еще муторнее на душе. Ни к кому конкретно не обращаясь, Джейк прошептал: «Извините». Затем встал, подошел к стойке, положил трубку и тихо поблагодарил официантку.

Оставив недоеденный стейк, он налил в термос свежий кофе и оплатил счет, оставив на столе вместо семи долларов двадцать. После чего тихо выскользнул на улицу, вежливо приподняв бейсболку при виде входившей в кафе пожилой пары.

Он вышел, отбивая тростью по бетону давно ставший привычным ритм, и каждый такой стук был сродни выстрелу, раны от которого никогда не заживают.

Заправив тягач, он расплатился на кассе за бензин, прихватил четыре упаковки кофеиновых таблеток «Но-Доз», после чего зашел в туалет и ополос-

нул лицо холодной водой. Просматривая спустя сорок восемь часов записи с камер видеонаблюдения закускойной, полицейские молча смотрели на то, как, перед тем как сесть в кабину тягача, Джейк сделал двадцать упражнений-прыжков «ноги вместе — ноги врозь» и столько же отжиманий. За последние два с половиной дня он проехал от Аризоны до Техаса, а оттуда до Миссисипи, где по дороге в Майами забрал цистерну горючего. Он очень хотел добраться до дома ко дню своего шестидесятилетия, но силы были уже не те. Веки стали тяжелыми, как камни. Ему оставалось чуть больше сотни миль пути, когда он позвонил Элли, чтобы сообщить ей, что уже дважды засыпал за рулем и больше не может рисковать.

Это известие отнюдь не вызвало у нее восторга.

Джейк бросил взгляд на мотель. Увы, у него в ушах еще звучало эхо ее голоса. Он понимал: его отсутствие Элли примет слишком близко к сердцу. И, добряк до мозга костей, Джейк Гибсон залез в кабину своего тягача и нажал на газ. В последний раз.

Взяв курс на юг, он вскоре выехал на 98-е шоссе, что тянулось вдоль береговой линии, и, наконец, по дороге на Апалачиколу, проехал Мексико-Бич.

На автостраде 30Е он свернул на запад. До объятий Элли оставалось всего семь миль. Джейк поддал газа. Он ездил по этой дороге уже сотни раз и непонятно, почему теперь летел на такой бешеной скорости, перестав обращать внимание на сигналы ограничения скорости и лежащих полицейских на узком участке трассы. Любой опытный водитель прекрасно знает: на подобной скорости масса и инерция просто не позволят огромной машине вписаться в поворот. По оценкам дорожной

полиции, в том месте, где автодорога 30E резко сворачивает на север, скорость тягача превышала сто десять миль в час. Именно там, в самой узкой точке полуострова, где дорога вплотную подходит к океану. Неудивительно, что в качестве границы между шоссе и водой дорожные рабочие воздвигли здесь, с левой стороны дороги, стену из гранитных валунов, каждый величиной с «Фольксваген». Сотни глыб, каждая весом в сотни тонн, громоздились одна на другой, составляя стену длиной в тридцать футов и высотой около двадцати. Мощную, неприступную, не позволявшую водам залива посягнуть на шоссе, а водителям — невзначай заехать в океан. «На камнях», как называли эту стену влюбленные парочки, любившие проводить здесь время за бутылкой вина. Рука об руку они взбирались по валунам наверх и усаживались там рядом с пеликанами, глядя, как солнце опускалось в воды залива окрашивая все вокруг в кровавые тона.

Великая стена мыса Сен-Блас пережила не один ураган, выдержала натиск армий сотен тысяч туристов.

Никто никогда не узнает, в какой конкретно момент Джейк Гибсон уснул за рулем. Известно только, что он уснул. Где-то около десяти часов вечера его «питербилт» налетел на каменную стену, с силой «Титаника» врезавшись носом в скалы. Острые камни вспороли цистерну с горючим — от кабины Джейка ее отделяли лишь несколько футов, — словно консервную банку. Прогремевший взрыв был слышен на расстоянии тридцати миль в Апалачиколле, а вспышка видна даже в Таллахасси, в ста милях отсюда. Завыли сирены, на место происшествия устремились пожарные расчеты и полиция, но из-

за страшного жара они ограничились тем, что перекрыли шоссе, не подпуская никого близко к месту аварии. Им оставалось лишь одно: наблюдать за тем, как догорают останки тягача и цистерны.

Элли сидела на полу ванной комнаты с полупустой бутылкой «Джека Дэниэлса». Зареванная, шмыгая носом. Отсвет вспышки, блеснувшей в трех милях от ее дома, она увидела на белом кафеле ванной. Когда же увидела огненный шар, то моментально все поняла.

Жар в несколько тысяч градусов был таким сильным, что Элли и все ее гости были вынуждены стоять перед ограждением, устроенным в полумиле от места аварии, беспомощно вдыхая вонь горящей резины.

Так они простояли всю ночь напролет. К утру пламя утратило первоначальную мощь, и к месту аварии смогли подъехать первые пожарные расчеты. Правда, к тому времени там уже мало что осталось. Части стального каркаса. Оторванное взрывом, одно колесо откатилось на четверть мили и угодило в болото. Задний конец цистерны с горючим напоминал треснувшую пополам банку кока-колы. В центре взрыва оставался лишь выжженный в асфальте круг.

Камеры видеонаблюдения, установленные на столбах с сигнальными огнями, засняли Джейка за рулем примерно за милю до поворота.

С помощью компьютерной программы распознавания внешности и на основании свидетельств самой Элли, просмотревшей запись, удалось с абсолютной точностью установить, что в момент поворота на уходившее на север шоссе 30Е за рулем машины действительно сидел ее верный муж, Джейк Гибсон, в своей коронной промасленной бейсболке.

Увы, от самого Джейка Гибсона ничего не осталось.

Ни пряжки от ремня. Ни каблука от ботинок. Ни титановых часов, ни платинового обручального кольца, ни зубов, ни бронзового набалдашника от трости. Вместе с большей частью своего тягача Джейк просто испарился. Чудовищный характер его гибели породил самые разные домыслы. Теории множились ежедневно. Самая популярная сводилась к тому, что задолго до поворота Джейк уснул и всем своим весом навалился на руль, больной ногой нажав на педаль газа. Только этим можно было объяснить совершенно необъяснимую скорость грузовика. Вторая версия строилась на том, что четырехдневное накачивание организма кофеином привело к разрыву сердца и что Джейк был мертв задолго до поворота, и труп его — так же, как и в первой версии — повалился вперед. Третья версия, наименее популярная, утверждала, что Джейк умер от аневризмы, но финал был тот же, что и в первых двух. Наверняка никто так ничего и не узнал. Единственное, в чем ни у кого не было сомнений, — это в невероятной мощности взрыва, который зарегистрировали даже военные спутники, что вызвало недоумение и обеспокоенность в министерстве обороны. Реакция была предсказуемой: «Какой ужас!»

Место происшествия огородили желтой лентой и поставили маячки, однако подойти к нему все еще было невозможно из-за сильного жара. По словам пожарных, должно пройти не меньше недели, прежде чем центральная часть остынет и к месту аварии можно будет приблизиться. Зеваки качали головами, размышляли об Элли и злорадным шепотом выносили свой вердикт: «Не иначе как на этой женщи-